

Письмо А. С. Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой.

Не вините меня, Графиня, въ томъ, что я замедлилъ Вамъ отвѣчать. Слѣдовало мнѣ благодарить Васъ за Ваши дружескія и любезныя письма, хотѣлось поговорить о Дядѣ Томѣ (*Uncle Tom's cabin. Beecher Stowe. Ссылка на эту книгу указываетъ на время написанія письма*) и его отношеніяхъ къ намъ; но признаюсь въ своемъ малодушіи: ни о чемъ порядкомъ поговорить или подумать нельзя. Старый мнѣ знакомый и пріятель истинный, человѣкъ не совсѣмъ не замѣченный обществомъ, литераторъ не безъ имени, и болѣе того—добрый и всему доброму сочувствующій человѣкъ, Павловъ, сидитъ уже болѣе тридцати дней *au secret*. Никого къ нему не пускаютъ; боленъ онъ: докторъ можетъ его посѣщать не иначе, какъ съ доклада гр. Закревскому, т. е. не прежде двухъ дней послѣ того, какъ онъ понадобится; сынъ почти никогда къ нему не допускается; наконецъ, мать, старуха семидесятилѣтняя, съ величайшимъ трудомъ добравшаяся до его тюрьмы, отсылается домой, не только не выдавъ сына, но и съ замѣчаніемъ, что напрасно она къ нему таскается; и все это, какъ я сказалъ, уже продолжается болѣе мѣсяца; а между тѣмъ нѣтъ никакого преступленія, никакой сколько нибудь серіозной вины кромѣ одной..... стиховъ на гр. Закревскаго, написанныхъ *не Павловымъ (подчеркнуто въ подлинникѣ)*, но которые ходили подъ его имянемъ... Признаюсь въ малодушіи: невольно думается, что есть и у меня дѣти и старуха мать, и что обо мнѣ могутъ сказать, что я не поклоняюсь ни умственной высотѣ графа, ни нравственному совершенству его дома; и мысль не можетъ остановиться ни на безуміи Alison'a¹⁾, ни на трогательныхъ сценахъ Дяди Тома. Поэтому простите и молчаніе мое и безловесность теперешняго письма.

Вашъ покорный слуга Алексѣй Хомяковъ.

Февр. 11-го дня.

¹⁾ Впрочемъ, эта книга была прислана Графиней.

Это письмо недавно найденное въ бумагахъ пок. графини Антонины Димитріевны Блудовой очень интересно характеризуетъ время управленія Москвою гр. А. А. Закревскаго, и, какъ таковое, заслуживаетъ воспроизведенія въ печати. Литераторъ Николай Филипповичъ Павловъ (авторъ разсказовъ: Ятаганъ, Красивая Меча и т. п.) за неprovѣренное обвиненіе въ написаніи стиховъ на всесильнаго графа былъ подвергнутъ строжайшему аресту, какъ совершитель какого то противогосударственнаго преступленія, по поводу какого древній Римляпинъ еще изрекъ: „Salus republicae suprema lex esto“. Время управленія Москвою гр. Закревскимъ было временемъ полнаго процвѣтанія всякаго произвола, основаннаго на благодушно-патріархальныхъ понятіяхъ самого графа, не умѣвшаго патріархальными порядками поддержать нравственное благоприличіе въ своемъ домѣ, но думавшаго оными поддержать таковое въ Москвѣ, или заставить молчать тѣхъ, которые говорили ему неугодное. Но т. к. это все дѣлалось кое-какъ, т. е. безъ тщательной провѣрки фактовъ, то иногда тяжелая графская рука поражала неповинныхъ, лишенныхъ при этомъ возможности добиться настоящаго слѣдствія и суда. Такой случай совершился и надъ Н. Ф. Павловымъ, отбывшимъ послѣ заключенія въ Москвѣ долгую ссылку въ Пермь, куда Хомяковъ писалъ ему утѣшительное письмо, напечатанное въ VIII томѣ его сочиненій. По окончаніи срока ссылки Павловъ вернулся въ Москву и здѣсь основалъ газету, процвѣтающую доселѣ, подъ названіемъ *Русскія Видомости*. Теперешнее направленіе этой газеты, конечно, не восходитъ ко времени ея основанія и по сему изъ него нельзя дѣлать выводъ о политическомъ направленіи Ник. Филипповича Павлова.

Хотя личное близкое знакомство Хомякова съ Павловымъ и служить достаточнымъ удостовѣреніемъ въ нравственныхъ качествахъ послѣдняго, но нельзя не замѣтить, что въ его заключеніи и ссылкѣ играли какую то роль его семейныя дѣла. Онъ былъ женатъ на известной поэтессѣ Каролинѣ Карловнѣ, рожденной Янишъ, и имѣлъ состояніе и общественное положеніе, благодаря ея богатству и роли въ обществѣ. Между супругами не было полнаго согласія и слухи ходили, что участіе Каролины Карловны въ злключеніяхъ мужа было не безъ вліянія. Многіе его обвиняли въ томъ, что онъ разстроилъ ея благосостояніе наклонностью къ карточной игрѣ. Дѣйствительно, послѣ ссылки Н. Ф. Павлова Каролина Карловна оставила Москву и отправилась въ Германію, гдѣ, въ Дрезденѣ, дождала свой вѣкъ въ условіяхъ довольно стѣснительныхъ и съ совершеннымъ забвеніемъ своихъ материнскихъ обязанностей къ сыну Ипполиту

Николаевичу, унаслѣдовавшему отъ нея необыкновенныя поэтическія наклонности и способности.

Современный эпиграмматистъ того времени, извѣстный С. А. Со-
болевскій, увѣковѣчилъ описанное Хомяковымъ событіе въ послѣднемъ
указанномъ нами смыслѣ:

Ахъ! Куда не взглянешь всё любви могла.
Мужа мамзель Янишъ въ яму засадила.
Плачетъ эта дама, молится о мужѣ:
Будь ему, о, яма, уже, хуже, туже,
.Лѣтъ, коли возможно только, до десятка;
Послѣ съ подорожной пусть его хоть въ Вятку,
Коль нельзя.... въ Камчатку.

Въ письмѣ Хомякова къ Павлову, написанномъ въ Пермь, можно,
пожалуй, найти нѣкоторыя выраженія, указывающія на то, что Хо-
мяковъ не былъ тогда убѣжденъ въ совершенной безвинности Павлова.

